

РАЗВИТИЕ ПОСЕЛЕНЧЕСКОЙ СЕТИ ЛЕСОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА СОВЕТСКОГО СОЮЗА В 1930-х гг.

Зыкин Иван Валерьевич

кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-экономических дисциплин
Технологический институт – филиал
ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»,
Россия, Верхотурье, e-mail: zivverh@mail.ru

УДК: 72.03:94(47+57)

ББК: 85.113(2)

DOI: 10.47055/1990-4126-2020-4(72)-14

Аннотация

Период «социалистической индустриализации» конца 1920 – начала 1940-х гг. в Советском Союзе связан с активным развитием поселенческой сети, в том числе в лесопромышленном комплексе. Благодаря активному освоению ресурсов в северных и восточных районах, в Европейской части страны, строительству и реконструкции предприятий возникло большое число рабочих поселков, часть из которых получила статус городов. Быстрое освоение лесных массивов, кризисное состояние отрасли в последние десятилетия XX и начале XXI в. обусловили сокращение поселенческой сети, особенно в сфере заготовки древесины, депрессивное состояние городов и поселков, для которых предприятия были или являются градообразующими. Это актуализирует необходимость обращения к опыту размещения, планировки и застройки рабочих поселков при предприятиях лесопромышленного комплекса в конце 1920 – начале 1940-х гг. В результате исследования развития поселенческой сети сделаны выводы о приближении населенных пунктов к районам добычи лесных ресурсов, формировании на базе рабочих поселков городов, попытках реализовать несколько проектов строительства «социалистических городов». Поселения при средних, крупных и близких к транспортным путям лесопромышленных предприятиях составили каркас поселенческой сети отрасли, в то время как количество лесозаготовительных поселков с конца 1930-х гг. стало сокращаться.

Ключевые слова:

лесопромышленный комплекс, модернизация, поселенческая сеть, планировка, застройка, «социалистический город»

Введение

В период «социалистической индустриализации» конца 1920-х – начала 1940-х гг. при производственных объектах развилась поселенческая сеть: появились рабочие поселки и города (в ряде случаев – городские районы), что способствовало социально-экономическому развитию регионов, привлечению трудовых ресурсов. Важным фактором развития лесопромышленной отрасли стала репрессивная политика Советского государства. В результате передачи разных категорий спецпереселенцев лесопромышленным предприятиям, организации лагерей, специализировавшихся в лесопользовании или строительстве лесопромышленных предприятий, поселенческая сеть дополнилась соответственно специальными и лагерными поселками.

Экстенсивный характер освоения лесных массивов (применение сплошных рубок, заготовка древесины сверх объемов годичных расчетных лесосек в разных районах страны), принуди-

тельный характер перемещения трудовых ресурсов, недостаточное финансирование жилищно-бытового, социального строительства в рабочих поселках и городах стали причинами постепенного сжатия поселенческой сети, прежде всего в сфере заготовки лесных ресурсов. Этот процесс начался уже с конца 1930-х гг. С другой стороны, строительство крупных комбинатов по механической обработке и глубокой переработке древесины обусловило формирование моногородов и монопоселков.

Данное исследование подводит итоги многолетнего изучения проблем развития поселенческой сети и формирования жилищно-бытовой и социальной инфраструктуры в рабочих поселках и городах, возникших при лесопромышленных предприятиях. В советский период рассмотрению этой темы уделялось недостаточно внимания. Исследователи при изучении истории региональных лесопромышленных комплексов [11; 14; 25], поселений [24; 28] ограничивались констатацией успехов партийно-государственных органов и хозяйственных ведомств, предприятий в деле жилищно-бытового и социального строительства. Отмечались только отдельные проблемы – в основном с целью продемонстрировать разницу между периодом 1930-х гг. и временем подготовки публикаций.

На современном этапе исследователи стали активно обращаться к вопросам строительства и развития инфраструктуры в населенных пунктах, исправительно-трудовых лагерях Советского Союза в период «социалистической индустриализации» – в основном в контексте изучения социокультурного пространства поселений [5; 22; 23; 29], трудового использования спецпереселенцев и заключенных [3; 15]. Наиболее серьезным исследованием по изучению развития инфраструктуры спецпоселков в Советском Союзе в 1931–1940-х гг. стала диссертация И.В. Бердинских [4]. Вопросам жилищного строительства в населенных пунктах при лесозаготовительных предприятиях в Среднем Поволжье и Бурятии посвящены публикации соответственно Е.В. Воейкова [7] и М.С. Новолодской [20]. В целом в работах стало уделяться намного больше внимания проблемам планировки и застройки поселков и городов при предприятиях лесопромышленного комплекса. Издаются книги об истории населенных пунктов, в которых помещены описания улиц, построек, большое количество иллюстраций [8; 13; 19]. Формированию жилищно-бытовой инфраструктуры рабочих поселков при предприятиях лесной отрасли Уральского региона в 1930-х гг. посвящены публикации автора [9; 10].

Однако целостного представления об особенностях размещения, планировки и застройки рабочих поселков и городов при предприятиях лесопромышленного комплекса Советского Союза, значимой отрасли в экономике страны, в период социалистической индустриализации не сформировано. С конца 1930-х до конца 2010-х гг. с карты страны исчезли многие предприятия по заготовке, механической обработке и глубокой переработке древесины, а также рабочие поселки при них. Имеющиеся поселения, где лесопромышленные производства выступали или продолжают выступать в качестве градообразующих объектов, находятся в большинстве своем в состоянии глубокой депрессии. Обращение к опыту развития отраслевой поселенческой сети в конце 1920-х – начале 1940-х гг. может помочь в формулировании направлений лесопромышленной деятельности в Российской Федерации на современном этапе, в решении инфраструктурных проблем моногородов и монопоселков.

Размещение населенных пунктов

В период социалистической индустриализации основными районами развития лесной промышленности стали северо-запад, Европейский Север, Центральная Россия, Урал, Сибирь и Дальний Восток. Здесь появились многие новые предприятия и населенные пункты при них. Рабочие поселки (с числом жителей от нескольких сотен до нескольких тысяч) формировались при лесозаготовительных и лесопильно-деревообрабатывающих предприятиях, а также

на этапе строительства крупных лесных и целлюлозно-бумажных комбинатов (затем они получали статус городов или городских районов). В отрасли, как и по стране в целом, основными принципами развития поселенческой сети стали размещение населенных пунктов в районах добычи ресурсов, их зависимость от потенциала предприятий.

Приоритетная цель приближения производственных объектов к ресурсной базе обусловила в лесной промышленности удаленность поселений от крупных городов и транспортных коммуникаций, которые прокладывались уже в процессе строительства предприятий. Так, во второй половине 1920-х гг. рядом с Нижним Новгородом импульс к развитию получил г. Балахна благодаря строительству крупнейшего на тот момент в стране целлюлозно-бумажного комбината. В Ленинградской области с сооружением целлюлозно-бумажного комбината формировался п. Сясьстрой, в Карельской автономной республике с возведением целлюлозно-бумажного комбината – п. Кондопога. В конце 1920-х – первой половине 1930-х гг. строительство крупных лесопильных заводов в г. Архангельск и его окрестностях обусловило появление группы рабочих поселков.

На Урале в начале 1930-х гг. вошел в строй Красновишерский целлюлозно-бумажный комбинат, рядом с которым расположился п. Красновишерск. Западнее Перми началось сооружение крупного Камского целлюлозно-бумажного комбината и бумажной фабрики «Гознак», благодаря чему активно застраивался п. Краснокамск. В Зауралье, на юго-востоке от Надеждинска, возводился деревообрабатывающий комбинат, давший толчок развитию Сосьвы, создание лесного комбината в Тавде и восстановление после пожара лесопильного завода в Лобве способствовали активной застройке одноименных поселений. Во второй половине 1930-х гг. строительство целлюлозно-бумажных комбинатов в Архангельске и его окрестностях (современный г. Новодвинск), рядом с Соликамском, в Карелии, комплекса лесопромышленных предприятий в Марийской автономии обусловило возникновение крупных рабочих поселков (в будущем городов или городских районов). В Сибири и на Дальнем Востоке, где в 1930-х гг. планировалось, но не было реализовано строительство мощных лесопромышленных производств, отраслевую поселенческую сеть составляли рабочие поселки.

С конца 1920-х – до начала 1940-х гг. в связи с активным освоением лесных массивов в северных и восточных районах страны, направлением существенной части «раскулаченных» крестьян и других категорий спецпереселенцев в лесную промышленность, организацией сети «лесных» исправительно-трудовых лагерей сформировалась обширная поселенческая сеть. Большое количество населенных пунктов, прежде всего для изоляции спецпереселенцев и заключенных, возникло внутри лесных массивов, вдали от городов и транспортных путей. Ввиду освоения лесосек в короткие сроки, низкого качества построек такие поселки оказывались нежизнеспособными и забрасывались. В частности, в 1939 г. в сельской местности севера Свердловской области (в современных границах) насчитывалось 208 сельских населенных пунктов (из 892), связанных с лесным хозяйством и лесной промышленностью, в городской местности – 57 (из 131). В последующие десятилетия число этих поселений сокращалось. В 1970 г. в сельской местности имелось 83 сельских населенных пункта, в городской – 48, в 1989 г. – соответственно 37 (из 212) и 7 (из 67) [16, с. 83, 87]. Более жизнеспособными оказались рабочие поселки при лесозаготовительных, лесосплавных и лесопильно-деревообрабатывающих предприятиях, тяготевших к речным или железнодорожным путям. Наличие транспортного сообщения стало важным фактором функционирования этих поселений и в современной Российской Федерации.

Планировка и архитектурный облик рабочих поселков при целлюлозно-бумажных предприятиях

Промышленное производство в городах и поселках задавало их композицию: ориентацию улиц, транспортных путей на предприятие, создание зеленой зоны между производством и

жилой застройкой [17, с. 61]. Так, в п. Ляля (город с 1938 г.) от целлюлозно-бумажного комбината начинались две главные улицы: одна упиралась в дом культуры и районный парк, по другой можно было добраться до железнодорожной станции. В п. Краснокамск (город с 1938 г.) параллельно р. Кама была проложена заводская магистраль, которая выходила к площади. От нее начиналась еще одна главная улица – через жилую застройку по направлению к железнодорожной станции. Предприятия и жилые кварталы разделяла зеленая зона. В п. Первомайском рядом с Архангельском главная дорога была проложена от проходной строительства целлюлозно-бумажного комбината до рабочего поселка.

Темпы формирования жилищной и социально-бытовой инфраструктуры в населенных пунктах при крупных предприятиях, расположенных вблизи административных, транспортных, промышленных центров, были выше, чем в поселениях, расположенных в осваивавшихся лесных массивах. В работах [9; 10] рассмотрены особенности планировки и застройки рабочих поселков при лесопромышленных предприятиях Уральского региона. Рассмотрим еще несколько примеров.

Проектированием будущего Вишерского целлюлозно-бумажного комбината и поселка занималась проектная ячейка треста «Вишхимз», организованная в 1928 г. Первый вариант плана населенного пункта был утвержден в марте 1930 г., далее планы составлялись часто [23, с. 50–51]. План населенного пункта укладывался в рамки концепции «социалистического города», его структурные компоненты были ориентированы вдоль направления течения р. Вишеры, с севера на юг. Между предприятием (южная часть поселения) и зоной жилой застройки проектировался парк культуры и отдыха. Красновишерск изначально представлял собой барачный поселок лагеря особого назначения. Вместе с основными строительными работами на целлюлозно-бумажном комбинате началось возведение рабочего поселка. Проект первой очереди включал 54 многоквартирных дома, клуб, школу, больницу и другие здания. Проектировались водопровод, канализация, освещение. Южнее комбината организовывалась промышленно-коммунальная зона с сельскохозяйственным, коммунальными предприятиями, складами, пристанью, хлебозаводом и другими подразделениями. Планировалось строительство железнодорожной станции [21, с. 51; 22, с. 39; 23, с. 51, 52]. В 1932 г. архитектор-художник Вишерского целлюлозно-бумажного комбината А. А. Тиминский разработал новый проект поселка с населением около 50 тыс. человек. Проектировались комплексы административных, образовательных, торговых и других зданий, а также автобусные и трамвайные линии [23, с. 52].

К 1936 г. были построены 191 жилой дом (с разным количеством квартир), школа, почта, больничный городок, школа фабрично-заводского ученичества, техникум, клуб, театр, библиотека, гостиница, детские сады, баня, прачечная, столовая, четыре котельных, парк с беседками, открытой сценой, фонтаном и собственным зверинцем, радиоузел и павильон-каток (рис. 1) [6, с. 667; 23, с. 53]. Однако комиссия Народного комиссариата лесной промышленности СССР при приемке Вишерского целлюлозно-бумажного комбината в октябре 1936 г. отмечала расхождение фактической планировки и объектов строительства с планом. Благоустройство жилого фонда было осуществлено неудовлетворительно, не было канализации, дороги и специальные здания для дошкольных учреждений отсутствовали [23, с. 53]. По сути, в 1930-х – начале 1940-х гг. рабочий поселок Вишерского целлюлозно-бумажного комбината застраивался не по генеральным планам, а нерегулярно, беспорядочно, исходя из имевшихся финансовых и материальных возможностей, интересов и потребностей предприятия в тех или иных видах жилья, социально-бытовых учреждений.

Ярким примером является п. Краснокамск [10], в котором была осуществлена попытка строительства «социалистического города» (рис. 2). В рабочем поселке возведены «дом-гигант» (рис. 3) и каменные жилые дома бумажной фабрики «Гознак» (рис. 4) – островки грандиозного проекта (рис. 5).

Рис. 1. Улица в поселке Красновишерск. 1930 г. Источник: <https://www.newsko.ru/articles/nk-4426767.html>

Рис. 2. Краснокамск. Макет города. 1930-е гг. Источник: Краснокамский краеведческий музей

Рабочий поселок при строительстве Архангельского целлюлозно-бумажного комбината в 1935 г. начинался с нескольких временных бараков и индивидуальных домов. Планом намечалось сооружение общежитий комнатной системы, но огромная потребность в жилой площади привела к возведению бараков низкого качества. Далее возникла потребность в социальных и бытовых учреждениях, однако решению этих вопросов препятствовали дефицит финансов

Рис. 3. Краснокамск. «Дом-гигант». Конец 1930-х гг. Источник: Краснокамский краеведческий музей

Рис. 4. Краснокамск. Дома рабочего поселка бумажной фабрики «Гознак», построенные в 1930-х гг. 2017 г. Источник: <https://yandex.ru/maps/11109/krasnokamsk/catalog/?l=stv%2Csta&ll=55.735801%2C58.078761&panorama%5Bdirection%5D=58.590774%2C11.406416&panorama%5Bfull%5D=true&panorama%5Bpoint%5D=55.733470%2C58.080517&panorama%5Bspan%5D=120.000000%2C58.093140&z=19.46>

и помещений. В частности, к 7 ноября 1936 г. буквально за месяц возвели клуб, но качество работ было настолько низким, что вскоре потребовался капитальный ремонт здания. Главный инженер комбината для обеспечения людей жильем пошел на хитрость и принял решение о возведении 13-квартирных домов вместо 8- и 12-квартирных по плану. Здания строились в спешке, сдавались без уборных и кухонь, электричество и прачечная отсутствовали.

Общий вид поселка производил удручающее впечатление. Работы по благоустройству осуществлялись в минимальных масштабах. После передачи строительства Архангельского целлюлозно-бумажного комбината в ведение НКВД СССР первые партии заключенных были заняты подготовкой инфраструктуры образованного исправительно-трудового лагеря. Ускори-

Рис. 5. Краснокамск. Карта-схема города. Конец 1930-х гг. Красным цветом отмечены каменные строения. Источник: Краснокамский краеведческий музей

лось и строительство домов в рабочем поселке, что обусловило рост числа жителей (рис. 6). Открытое партийное собрание строительства комбината в январе 1939 г. констатировало, что «почти все сотрудники удовлетворены жилой площадью в соответствии с правительственными нормами», хотя признавало низкое качество жилья, неудовлетворительную работу бани. В начале 1940 г. жилищный фонд поселка включал 59 домов, 10 общежитий и один дом для приезжих, в течение года намечалось возвести еще 10–15 зданий [8, с. 44, 46, 49, 55, 56, 67, 104, 112, 132, 142, 143, 144, 146, 147, 166; 18, с. 27, 28, 29, 38, 39, 46, 434, 435, 436].

В Кондопоге с середины 1930-х гг. стали возводить деревянные двухэтажные дома, а также два благоустроенных четырехэтажных дома в каменном исполнении. 136 жилых зданий (более трети жилищного фонда поселка) принадлежали целлюлозно-бумажному комбинату. В 1937 г. Наркомлес СССР отпустил предприятию средства на достройку 10 двухэтажных деревянных

Рис. 6. Поселок Архангельского целлюлозно-бумажного комбината. 1939 г. Источник: Захарова Е. Рождение гиганта. 1934–1940. Новодвинск; Архангельск, 2019. С. 144–145

и одного каменного дома. Предусматривались достройка двух четырехэтажных каменных домов и закладка пятиэтажного дома. В 1937 г. в поселке были сданы больница, дом культуры (рис. 7). Обретение поселком статуса города в 1938 г. потребовало упорядочения застройки и создания нового генерального плана, который был принят депутатами городского совета в 1941 г. [5, с. 41; 29, с. 86, 87].

Строительство предприятий привело к существенному росту числа жителей в рабочих поселках и преобразованию их в конце 1930-х гг. в города (Кондопога, Краснокамск, Тавда, Волжск) с численностью населения 15–25 тыс. человек. При строительстве рабочих поселков закладывался регулярный характер планировки, ключевой единицей застройки становился «квартал».

Рис. 7. Кондопога. Дом культуры. Современное состояние. Источник: <https://ru-foto.livejournal.com/49345167.html>

В сельской местности кварталы заполнялись домами на несколько хозяев, бараками с обязательным выделением участков под огороды. В городской местности многоквартирные дома высотой от двух до пяти этажей в каменном или деревянном исполнении, возводившиеся кварталами, соседствовали с барачной и индивидуальной застройкой. Обязательным атрибутом рабочих поселков становились площади: перед администрацией предприятия и комплексом социально-культурных учреждений.

Лесозаготовительные поселки

Жилищная и социально-бытовая инфраструктура лесозаготовительных трестов была разбросана по различным населенным пунктам. Основными типами построек, в которых проживали рабочие в период лесозаготовительных сезонов, являлись шалаши, землянки, курные избы, постройки временного действия, лишенные элементов обустройства. Такой способ размещения рабочих существовал на протяжении многих лет, и только в конце 1920-х гг. необходимость улучшения жилищных условий лесных рабочих нашла отражение в нормативных правовых актах высших органов власти.

Согласно постановлению ЦИК и СНК СССР от 2 ноября 1927 г. «Об условиях труда на лесозаготовительных и сплавных работах», хозяйственным организациям вменялось в обязанность обеспечить рабочих жильем в случаях, когда место работы находилось за 6 км от населенных пунктов или когда не было возможности размещения людей в них. Вслед за этим постановлением 22 марта 1928 г. Народный комиссариат труда издал «Временные правила о жилищных условиях на лесозаготовительных и сплавных работах». Этим документом устанавливались: размер площади на одного рабочего – не менее 3 м², высота жилых помещений – не менее 2 м, деревянный пол на подкладках, окна с двойными рамами, печи с дымовыми трубами, помещения для просушки одежды и другие элементы обустройства. Примерами хорошо обустроенных жилищ являлись шестистенные общежития для постоянных рабочих Карельской центральной опытной станции, возведенные в 1927/1928 г. [1, с. 46, 47]. То есть уже в конце 1920-х гг. рабочие, занятые в сфере заготовки древесины, должны были проживать в относительно качественном временном жилье. Однако в последующие годы в связи с незначительным финансированием жилищного строительства, организационно-экономическими трудностями освоения выделявшихся средств и возведения построек, использованием принудительного труда заключенных и спецпереселенцев реализация этих правил становилась все чаще исключением, а качество жилья снижалось.

В 1928 г. трест «Комилес» в основном за собственный счет возвел 284 и отремонтировал 309 жилых помещений. Хозяйственные ведомства союзного значения финансировали жилищное строительство в ограниченных масштабах. На 1930 г. «Союзлеспром» предусмотрел 388 тыс. руб. на сооружение жилья для постоянных рабочих и служащих в Коми области, но деньги не поступили. За этим следовало невыполнение планов жилищного строительства. В лесозаготовительный сезон 1931/32 г. в рабочих поселках треста «Комилес» имелись 590 бараков, 109 столовых, 58 пекарен, 173 ларька, 244 бани, 44 прачечных, 56 дезокамер, 19 медпунктов [27, с. 22, 73]. В 1935–1936 гг. предприятия треста «Комилес» возвели 820 тыс. м² жилья, 75 тыс. м² столовых, 64 тыс. м² пекарен, 512 тыс. м² бань [11, с. 108]. Данные показатели отражали ситуацию в стране, когда партийно-государственные органы и хозяйственные ведомства стали выделять на жилищное и социально-бытовое строительство более значительные средства, чем в первой половине 1930-х гг. Но к концу десятилетия жилищная ситуация в регионе вновь ухудшилась. В 1940 г. в республике Коми было сдано только около 29 тыс. м² жилой площади, из которых 54,6 % приходилось на предприятия лесопромышленного комплекса [27, с. 73].

В сезон 1929/1930 г. трестом «Кареллес» были построены 794 и отремонтированы 527 бараков вместимостью 28,3 тыс. человек, 45 пекарен, 110 бань, 118 складов. В следующем сезоне построено 495 и отремонтировано 1142 барака вместимостью 46 тыс. человек, 39 столовых, 72 пекарни, 163 бани, 20 медпунктов, 97 кухонь, 197 кладовых¹. Бараки из-за некачественного строительства и материалов, размещения на заболоченных участках в течение нескольких лет становились непригодными для проживания. К 1937 г. тресты «Южкареллес» и «Севкареллес», обладая жилыми помещениями площадью 110 тыс. м², не могли обеспечить даже постоянных рабочих (11 600), тогда как для круглогодичной работы требовалось 38 тыс. человек [12, с. 71]. Другой стороной жилищного строительства в сфере заготовки лесных ресурсов Карелии стало появление поселков для постоянных работников. Так, в Матросском механизированном лесопункте был возведен один из первых таких поселков: дома с отдельными квартирами с электроснабжением, магазины, столовые, начальная школа, ясли, клуб [30, с. 448].

В октябре 1929 г. трест «Средлес» (Средневожский край) располагал только 16 бараками, но в начале 1930 г. возвел 40 бараков, а к концу года жилищный фонд организации включал 391 барак. Однако качество строений было низким, а количество квартир недостаточным, из-за чего часть рабочих проживала в землянках или перемещалась в них из-за неудовлетворительных условий в бараках. Во второй и третьей пятилетках в тресте количество жилищ увеличилось,

качество улучшилось, хотя имели место случаи пренебрежительного отношения руководства предприятий к организации более или менее сносных условий проживания работников. В результате в ряде трестов Средневолжского края отмечались случаи проживания рабочих в землянках [7, с. 50, 51].

Разницу в обеспеченности рабочих жильем и его благоустройством демонстрируют данные 1940 г. Так, в тресте «Уралзападолес» жилищный фонд, состоявший в основном из бараков и деревянных домов, был оборудован канализацией на 0,5 %, центральным отоплением – 0,4 %. Рабочий поселок Камского целлюлозно-бумажного комбината, в котором имелись многоэтажные дома в каменном исполнении и деревянные коттеджи, был оснащен канализацией на 13 %, центральным отоплением – на 8,9 %. Что касается обеспеченности рабочих жилой площадью, то по обеим хозяйственным организациям этот показатель составлял в бараках 4,2 м², в целом по жилищному фонду был чуть выше [2, с. 90].

Важным фактором формирования поселенческой сети лесной промышленности стало «раскулачивание» крестьян в начале 1930-х гг. Регионы, тресты и предприятия не располагали необходимым объемом материальных ресурсов, чтобы обеспечить жилищно-бытовое обустройство и работу всем спецпереселенцам. В 1930 г. в Северном крае планировалось строительство 6131 дома для «раскулаченных», но на конец июля были возведены только 112 построек из-за отсутствия рабочей силы и материалов. На 18 декабря 1930 г. трест «Ураллес» должен был построить 7248 изб для спецпереселенцев, а возвели 4873 – 65,8 %. В Чердынском, Соликамском, Пашийском, Яйвинском, Чусовском, Колвинском и Гаинском леспромпхозах, где «Ураллес» вел лесозаготовки, строительство было сорвано, в Петропавловском и Пельымском районах отсутствовали даже планы строительства². Во вторую волну «раскулачивания», в 1931 г., возведение жилья для спецпереселенцев велось такими же низкими темпами. В Уральской области по состоянию на август 1931 г. план жилищного строительства Серебрянским леспромпхозом был выполнен на 5,7 %, Пашийским – на 2,5 %, Косинским – на 1,8 %, Чусовским – на 4 % (все – леспромпхозы треста «Ураллес»)³. Суммарно по лесопромышленному комплексу Уральского региона на 1 мая 1932 г. были построены, без учета качества построек, 43637 квартир (73,4 % плана), на 1 сентября 1932 г. на одного спецпереселенца приходилось 3,8 м² жилой площади [26, с. 176, 396].

Большинство спецпоселков строилось в отдаленных от транспортных магистралей и промышленных центров районах, не обеспечивалось подъездными путями, из-за чего их снабжение было возможно только по рекам весной и осенью или в зимний период. Часть спецпоселков строилась в местах, не пригодных для хозяйственной деятельности. В частности, к 1934 г. в Чердынском районе Уральской области были ликвидированы десять таких населенных пунктов, а Красновишерском – семь⁴.

В середине 1930-х гг. внешний вид лесозаготовительных трудпоселков по-прежнему производил удручающее впечатление. Такая ситуация складывалась из-за существенных объемов незавершенного строительства. Трест «Комилес», где основу коллективов леспромпхозов составляли спецпереселенцы из числа бывших «кулаков», к началу лесозаготовительного сезона 1933/1934 г. должен был возвести бараки, бани, ларьки, конюшни в количестве 847 единиц и 987 отремонтировать. К 10 сентября были построены 188 объектов, отремонтированы 429. Жилищные условия рабочих были ужасающими [3, с. 138, 139]. По данным на 1 сентября 1934 г., по предприятиям треста «Западолес» не были закончены 289 двухквартирных домов, 33 школы, 30 яслей, 8 столовых, 14 больниц и медпунктов. Значительная часть жилищ трудпоселенцев, занятых в трестах «Западолес», «Свердлес», «Камсплав», в 1934 г. уже находилась в полуразрушенном состоянии. Большинство сдававшихся домов и бараков было непригодным для проживания. Около 4800 комнат из 19000, подведомственных лесным трестам Северного

края, были не оборудованы. В Дальневосточном крае ситуация с возведением и ремонтом жилья для трудпоселенцев была также неудовлетворительной⁵ [26, с. 188].

В статье [9] исследованы проблемы планировки и застройки спецпоселков (возводились для «раскулаченных» крестьян) при предприятиях по механической обработке древесины в Уральском регионе. На протяжении 1930-х гг. общими проблемами населенных пунктов в жилищно-коммунальной и социально-бытовой сфере оставались низкое качество построек и невысокий уровень развития инфраструктуры, дефицит социальных учреждений, мест отдыха. С середины 1930-х гг. основными факторами сжатия сети лесных спецпоселков стали истощение лесных баз, закрытие и перебазирование предприятий; износ жилья и отъезд большей части жителей, в том числе прекращение существования поселений.

Однако в некоторых населенных пунктах до сих пор сохранилась спецпереселенческая застройка (анализировались п. Косолманка, Привокзальный, Лобва Свердловской области), возраст домов составляет более 80–85 лет. В 2010 г. было проведено инструментальное исследование на базе микрорайона Пролетарий п. Привокзальный. Из 70 жилых (семь частных домов, восемь барачных, 52 двухквартирных дома) и социальных объектов, построенных в 1931–1936 гг., 42 строения (60 %) сохранились в состоянии, пригодном для проживания. 10 строений находились в разрушенном и полуразрушенном состоянии, 18 зданий были снесены из-за пожаров и строительства новых зданий. Спустя восемь лет, в 2018 г., состояние спецпереселенческой застройки практически не изменилось. 39 строений (55 %) сохранились в состоянии, пригодном для проживания, 12 строений – в разрушенном и полуразрушенном состоянии, 19 зданий снесены.

Второе исследование было проведено в 2011 г. на базе спецпоселка Лобвинского лесопильного завода. В первой половине 1930-х гг. в нем были построены 135 жилых двухквартирных домов. В конце 2010-х гг. в большей части домов жили люди (рис. 8). По-другому сложилась судьба п. Косолманка, где еще в 2000-х – начале 2010-х гг. в большинстве спецпереселенческих домов проживали жители (рис. 9). Однако отсутствие работы, транспортных коммуникаций (есть только железнодорожное сообщение), ликвидация социально-бытовых учреждений обусловили сокращение численности населения и разрушение значительной части жилой застройки 1930-х гг.

Рис. 8. Бывший спецпереселенческий дом в поселке Лобва (Свердловская область). Фото И.В. Зыкина, 2011

Рис. 9. Поселок Косолманка (Свердловская область). Бывшие дома спецпереселенцев. Фото И.В. Зыкина, 2011

Заключение

В период «социалистической индустриализации» поселенческая сеть лесопромышленного комплекса значительно расширилась за счет освоения лесных массивов, в том числе с использованием труда спецпереселенцев и заключенных, строительства и реконструкции предприятий. Более динамично развивались населенные пункты, в которых действовали комбинированные предприятия (например, п. Лобва и Тавда в Уральском регионе) или несколько лесопромышленных производств (к примеру, п. Лопатино в Марийской автономии, п. Краснокамск на Урале). Но это не означало, что предприятию было по силам (не менее важно и желание руководства) решить проблемы функционирования и развития поселения. За исключением лесозаготовительных поселков, которые не располагались рядом с производственными участками, предприятия по механической обработке и глубокой переработке лесных ресурсов и поселения представляли единый организм, хотя в нем жилая застройка являлась, по сути, приложением к заводу для его более эффективного функционирования.

В населенных пунктах при предприятиях лесной промышленности закладывался регулярный характер планировки с членением ее на кварталы. В сферах заготовки и механической обработки древесины основными типами жилых построек были бараки и дома на несколько хозяев. В рабочих поселках при крупных лесных и целлюлозно-бумажных комбинатах, помимо бараков и домов на несколько квартир, строились 2–5-этажные каменные или деревянные дома. В дальнейшем многие эти поселения получили статусы городов или городских районов. В двух рабочих поселках – Красновишерске и Краснокамске Уральской области – были осуществлены попытки строительства «социалистических городов». Однако если говорить о значимых архитектурных постройках периода «социалистической индустриализации», то нужно отметить грандиозный дом культуры в Кондопоге, каменные жилые дома бумажной фабрики «Гознак» и «дом-гигант» в Краснокамске.

В большинстве населенных пунктов превалировала деревянная одноэтажная застройка, качество которой было низким, и функционировал комплекс социально-культурных учреждений. Ключевым принципом застройки поселений стали магистральные улицы, соединявшие предприятие с городской площадью, в отдельных случаях – с железнодорожными станциями. Бы-

строе освоение лесных массивов, низкое качество построек в лесозаготовительных поселках обусловило постепенное сокращение, начиная с конца 1930-х гг., поселенческой сети. Каркас поселенческой сети лесопромышленного комплекса, представленный городами и рабочими поселками при предприятиях по заготовке, механической обработке и глубокой переработке древесины, расположенных в северных и восточных районах, в Европейской части страны, функционирует (за исключением существенного сокращения числа лесозаготовительных поселков) и в современной России. Этот каркас является результатом экономической, социальной, градостроительной политики Советского государства начиная с конца 1920-х гг.

Примечания

¹ Советская лесная экономика. Москва-Север. 1917–1941 гг.: Сборник документов и материалов / Сост.: В.Г. Макуров, А. Т. Филатова. – Петрозаводск, 2005. – С. 215.

² История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7 т. Т. 5. Спецпереселенцы в СССР / Отв. ред. и сост. Т. В. Царевская-Дякина. М.: РОССПЭН, 2004. С. 119, 128, 138, 724.

³ Там же. С. 156.

⁴ Там же. С. 735.

⁵ Там же. С. 212, 213, 214.

Библиография

1. Альбрехт, К.И. Рационализация и механизация лесозаготовок / Под общ. ред. Н.Г. Смидовича. – М.; Л.: Гос. сел.-хоз. изд-во «Новая деревня», 1929. – 326 с.
2. Антуфьев, А.А. Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны. – Екатеринбург: УрО РАН, 1992. – 337 с.
3. Бердинских, В.А. Система спецпоселений в Советском Союзе 1930–1950-х годов / В.А. Бердинских, И. В. Бердинских, В. И. Веремьев; Науч. ред. И. Л. Жеребцов. – Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2015. – 244 с.
4. Бердинских, И.В. Особенности формирования инфраструктуры системы спецпоселений в СССР в 1931–1940-х гг.: Дис. ... канд. ист. наук. – Киров, 2007. – 228 с.
5. Вавулинская, Л.И. Социально-экономические аспекты развития провинциального города в 1920–60-е гг. (на материалах г. Кондопога, Республика Карелия) // Российская провинция как социокультурное поле формирования гражданской и национальной идентичности: мат-лы VIII Междунар. Стахеевских чтений. – Елабуга, 2017. – С. 40–44.
6. Вишерский целлюлозно-бумажный комбинат // Уральская советская энциклопедия. – Т. 1. – М.; Свердловск: Изд-во Уралоблисполкома «Уральская советская энциклопедия», 1933. – С. 662–668.
7. Воейков, Е.В. Жилищный фонд лесных трестов Поволжья в 1930–1941 гг. // Человек в российской повседневности: история и современность: Сб. ст. VII Междунар. науч.-практ. конф. / Под общ. ред. С. Д. Морозова, В. Б. Жиромской. – Пенза: Пензенский гос. ун-т, 2014. – С. 48–53.
8. Захарова, Е. Рождение гиганта. 1934–1940 / Е. Захарова, П. Фасонов. – Новодвинск: Архангельский ЦБК; Архангельск: Карандаш, 2019. – 207 с.
9. Зыкин, И. В. Особенности размещения, планировки и застройки спецпоселков при предприятиях лесопромышленного комплекса Уральского региона // Архитектон: известия вузов. – 2013. – № 3 (43). – URL: http://archvuz.ru/2013_3/14.
10. Зыкин, И.В. Планировка и архитектура рабочих поселков при предприятиях лесопромышленного комплекса 1930-х гг. (на примере Краснокамска) // Архитектон: известия вузов. – 2019. – № 3 (67). – URL: http://archvuz.ru/2019_3/9.

11. Индустриализация Коми автономной области: историографический и источниковедческий анализ и публикация архивной рукописи. – Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2018. – 271 с.
12. Килин, Ю.М. Пограничная окраина великой державы: Советская Карелия в 1923–1938 гг. – Электронные данные. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2012. – 143 с. – 1 электрон. опт. диск (CD-R).
13. Тарасова И. Краснокамск – город Солнца: научно-популярное издание / И. Тарасова. – Пермь: Сенатор, 2013. – 144 с.
14. Кузнецов, А.Ф. Борьба партийных организаций за развитие лесной, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности Урала в 1933–1937 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Свердловск, 1979. – 19 с.
15. Мазур, Л.Н. Край ссылки: особенности формирования и развития системы расселения на Урале в 1930–1950-е гг. // Документ. Архив. История. Современность. – Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. ун-та, 2002. – С. 176–208.
16. Мазур, Л.Н. Север Свердловской области в XX веке: модели развития системы расселения // Походяшинские чтения: мат-лы Первой регион. краеведческой науч.-практ. конф. – Екатеринбург, 2005. – С. 72–89.
17. Меерович, М.Г. Советские моногорода: история возникновения и специфика // Вестник Кемеровского гос. ун-та. – 2018. – № 1. – С. 53–65. DOI:10.21603/2078-8975-2018-1-53-65
18. Минуя рубежи эпох, 1940–2010 / Ред.-сост. Н. А. Кошелева. – Архангельск: Архангельский ЦБК, 2010. – 488 с.
19. Новая Ляля: К 75-летию города. – Екатеринбург: ООО «Издательский дом «ЛИТУР», 2013. – 216 с.
20. Новолодская, М.С. Жилищное обеспечение работников Челутаевского ЛПХ в 30-е гг. XX в. // Сибирь и Россия: освоение, развитие, перспективы: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф., посвященной 70-летию кафедры истории Бурятской гос. сель.-хоз. академии им. В. Р. Филиппова. – Улан-Удэ: Изд-во БГСХА им. В. Р. Филиппова, 2009. – С. 32–34.
21. Обухов, Л.А. Из истории строительства Вишерского целлюлозно-бумажного комбината и Вишерского лагеря // Города несвободы: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. – Пермь: Литер-А, 2012. – С. 46–58.
22. Обухов, Л.А. Первостроители соцгородов. Краснокамск: интеграция в будущее // Архитектурное наследие соцгородов: бремя прошлого или ресурс развития? : мат-лы всерос. конф. – Пермь : Литер-А, 2013. – С. 36–49.
23. Остальцев, К.А. Красновишерск: город-лагерь и город-сад. Проекты и реальность. Краснокамск: интеграция в будущее // Архитектурное наследие соцгородов: бремя прошлого или ресурс развития? : мат-лы всерос. конф. – Пермь: Литер-А, 2013. – С. 49–56.
24. Палкина, Г.А. Краснокамск. – Пермь: Кн. изд-во, 1988. – 246 с.
25. Первозванский, И.В. Очерки по развитию лесного хозяйства и лесной промышленности Карелии // Труды Карельского ф-ла Академии наук СССР. Вып. XIX. Вопросы рационального использования лесов Карелии. – Петрозаводск, 1959. – С. 5–75.
26. Суслов, А.Б. Спецконтингент в Пермской области (1929–1953 гг.). – М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2010. – 424 с.
27. Турубанов, А.Н. Строительный комплекс Республики Коми в XX веке: монография. – Сыктывкар: КРАГСиУ, 2012. – 267 с.
28. Тютенков, А.Г. Сясьстрой: десять шагов в будущее. История Сясьского целлюлозно-бумажного комбината. – Л.: Лениздат, 1978. – 158 с.
29. Филимончик, С.Н. Кондопога в 1930-е годы: рождение города // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2018. – № 7 (176). – С. 80–90. DOI: 10.15393/uchz.art.2018.233.

30. Филимончик, С.Н. Строительная отрасль Карелии в период форсированной индустриализации // Сибирские строители: события и судьбы: сб. ст. всерос. науч. конф. – Курган: Курганский Дом печати, 2017. – С. 442–454.

Лицензия Creative Commons

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция - на тех же условиях»).

4.0 Всемирная

Дата поступления: 01.10.2020

DEVELOPMENT OF THE SETTLEMENT NETWORK IN THE TIMBER INDUSTRY OF THE SOVIET UNION IN THE 1930s

Zykin Ivan V.

PhD. (History), Associate Professor, Department of Socio-Economic Disciplines
Technological Institute branch
National Nuclear Research University «MEPhI»,
Russia, Verkhoturys, e-mail: zivverh@mail.ru

УДК: 72.03:94(47+57)

ББК: 85.113(2)

DOI: 10.47055/1990-4126-2020-4(72)-14

Abstract

The period of «socialist industrialization» of the late 1920s - early 1940s in the Soviet Union was associated with active construction of a settlement network, including in the forest industry. Active development of resources in the northern and eastern regions and in the European part of the country and construction and reconstruction of enterprises gave rise to a large number of working villages, some of which were given the status of town. Extensive operations across forestry areas and crisis in the industry in the last decades of the 20th and early 21st century led to the shrinking of the settlement network, especially in the timber harvesting sector, and the cities and towns for which timber enterprises were or still are a mono-employer have slipped into depression. This calls for turning attention to the experience of locating, planning and building worker villages in the timber industry in the late 1920s and early 1940s. This study of the settlement network revealed that settlements were set up close to timber production sites, worker villages tended to grow into towns, and several attempts were made to construct «socialist cities». Settlements near medium and large timber enterprises and those lying close to transport routes formed the framework of the settlement network of the industry, while the number of timber-logging villages began to decline since the late 1930s.

Keywords:

timber complex, modernization, settlement network, planning, development, «socialist city»

References

1. Albrecht, K.I. (1929) Rationalization and mechanization of timber-logging. Moscow, Leningrad: State Agricultural Publishing House "New Village". (in Russian)
2. Antufiev, A.A. (1992) Ural industry on the eve and during the Great Patriotic War. Yekaterinburg: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. (in Russian)
3. Berdinskikh, V.A., Berdinskikh, I.V. and Veremyev, V.I. (2015) System of special settlements in the Soviet Union of the 1930–1950s. Syktyvkar: IYALI Komi NC UrO RAS. (in Russian)
4. Berdinskikh, I.V. (2007) Features in the formation of the infrastructure of the system of special settlements in the USSR in the 1931–1940s. Ph.D. dissertation (History). Kirov. (in Russian)
5. Vavulinskaya, L.I. (2017) Socio-economic aspects of the development of the provincial city in the 1920s–60s (based on the materials of Kondopoga, Republic of Karelia). In: Russian province as a socio-cultural field for the formation of civil and national identity. Collection of scientific articles. Proceedings of the VIII International Stakheev Readings. Elabuga, pp. 40–44. (in Russian)

6. Without the author (1933) Vishersky Pulp and Paper Mill. Ural Soviet Encyclopedia. Vol. 1. Moscow, Sverdlovsk: Publishing House of the Uraloblispolkom Ural Soviet Encyclopedia, pp. 662–668. (in Russian)
7. Voeikov, E.V. (2014) The Housing Stock of Volga Forest Trusts in 1930–1941. In: S.D. Morozov, V.B. Zhiromskaya (eds.). Man in Russian everyday life: history and modernity. Collection of articles of the VII International Scientific and Practical Conference. Penza: Penza State University, pp. 48–53. (in Russian)
8. Zakharova, E. and Fasonov P. (2019) The birth of a giant. 1934–1940. Novodvinsk, Arkhangelsk Pulp Mill, Arkhangelsk: Karandash. (in Russian)
9. Zykin, I.V. (2013) Features of the placement, layout and development of special settlements at enterprises of the timber industry complex of the Ural region. Architecton: Proceedings of Higher Education. [Online], Volume 3(43), Available from: http://archvuz.ru/en/2013_3/14 [Accessed 14 Sept. 2020]. (in Russian)
10. Zykin, I.V. (2019) Planning and architecture of working villages at enterprises of the timber industry complex of the 1930s (using the example of Krasnokamsk). Architecton: Proceedings of Higher Education.. [Online], Volume 3(67), Available from: http://archvuz.ru/en/2019_3/9 [Accessed 12 Sept. 2020]. (in Russian)
11. Without the author (2018) Industrialization of the Komi Autonomous Region: historiographic and source-research analysis and publication of an archival manuscript. Syktyvkar: IYALI Komi NC Uro RAS. (in Russian)
12. Kilin, Yu.M. (2012) The border outskirts of the great power: Soviet Karelia in 1923–1938. Petrozavodsk: Publishing house of PetrSU. (in Russian)
13. Tarasova, I. (2013) Krasnokamsk - the city of the Sun: popular science publication. Perm: Senator. (in Russian)
14. Kuznetsov, A.F. (1979) The struggle of party organizations for the development of the timber, woodworking and pulp and paper industries of the Urals in 1933–1937. Summary of Ph.D. dissertation (History). Sverdlovsk. (in Russian)
15. Mazur, L.N. (2002) The edge of exile: features of the formation and development of the settlement system in the Urals in the 1930–1950s. In: Document. Archive. History. Modernity. Yekaterinburg: Publishing House of Ural State University, pp. 176–208. (in Russian)
16. Mazur, L.N. (2005) North of the Sverdlovsk Region in the 20th century: models of the development of the resettlement system. In: Materials of the First Regional Local History Scientific and Practical Conference Pokhodyashinskiye Readings. Yekaterinburg, pp. 72–89. (in Russian)
17. Meerovich, M.G. (2018) Soviet single-industry towns: history of emergence and specifics. Bulletin of Kemerovo State University, No. 1, pp. 53–65. (in Russian)
18. Kosheleva, N.A. (ed.) (2010) Crossing the borders of the eras, 1940–2010. Arkhangelsk: Arkhangelsk Pulp and Paper Mill. (in Russian)
19. Without the author (2013) Novaya Lyalya: On the 75th anniversary of the city. Yekaterinburg: Publishing House LITUR. (in Russian)
20. Novolodskaya, M.S. (2009) Provision of housing for employees of Chelutayevsky timber enterprise in the 1930s. In: Siberia and Russia: emergence, development, prospects: Proceedings of the All-Russian academic and research conference devoted to the 70 anniversary of the Department of History of the Buryat State Agricultural Academy named after V. R. Filippov. Ulan-Ude: BGSHA publishing house, pp. 32–34. (in Russian)
21. Obukhov, L.A. (2012) From the history of the construction of the Vishersky Pulp and Paper Mill and the Vishersky Camp. In: Cities of Non-Freedom. Proceedings of the international scientific and practical conference. Perm: Liter-A, pp. 46–58. (in Russian)

22. Obukhov, L.A. (2013) First builders of social cities. In: Krasnokamsk: integration into the future. Proceedings of the All-Russian Conference “Architectural Heritage of Social Cities: Burden of the Past or Development Resource?” Perm: Liter-A, pp. 36–49. (in Russian)
23. Ostaltsev, K.A. (2013) Krasnovishersk: camp city and garden city. Projects and reality. In: Krasnokamsk: integration into the future. Proceedings of the All-Russian Conference “Architectural Heritage of Social Cities: Burden of the Past or Development Resource?” Perm: Liter-A, pp. 49–56. (in Russian)
24. Palkina, G.A. (1988) Krasnokamsk. Perm: Book publishing house. (in Russian)
25. Pervozvansky, I.V. (1959) Essays on the development of the forestry and timber industry of Karelia. In: Proceedings of the Karelian branch of the USSR Academy of Sciences. Volume XIX. Issues of rational use of forests of Karelia. Petrozavodsk, pp. 5-75. (in Russian)
26. Suslov, A.B. (2010) “Special Contingent” in the Perm Region (1929–1953). Moscow: ROSSPEN, B.N. Yeltsin Presidential Center Foundation (in Russian)
27. Turubanov, A.N. (2012) Construction industry of the Komi Republic in the 20th century. Syktyvkar: KRAPSM. (in Russian)
28. Tyutenkov, A.G. (1978) Syasstroy: ten steps into the future. History of the Syassky pulp and paper mill. Leningrad: Lenizdat. (in Russian)
29. Filimonchik, S.N. (2018) Kondopoga in the 1930s: the birth of a city. Transactions of Petrozavodsk State University, No. 7(176), pp. 80–90. (in Russian)
30. Filimonchik, S.N. The construction industry of Karelia during the period of forced industrialization. In: Siberian builders: events and fates: Collection of articles of the All-Russian scientific conference. Kurgan: Kurgan Press House, pp. 442–454. (in Russian)